
УДК 82.0 (470.621)

ББК 83.3 (2=Ады)

X 25

Хаткова И.Н.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Адыгейского государственного университета, e-mail: iren714@yandex.ru

Этноментальные основы «Черкесских преданий»

Султана Хан-Гирея

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается повесть Султана Хан-Гирея «Черкесские предания» как этнокультурное явление. Отмечается использование значительного этнографического материала с целью более широкого изображения определенных качеств и черт самого народа, условий его жизни, раскрытия его внутреннего мира, его психологии. Показано, что в повести «Черкесские предания» содержатся ценные сведения о нравах, обычаях и традициях адыгов, а также подробный обзор адыгского устного творчества. Установлено, что все особенности быта и традиционных обычаев адыгов представлены в мельчайших подробностях, все описания ведутся с учетом значимости этнографических деталей.

Ключевые слова:

Ментальность, национальный менталитет, компоненты менталитета, местный колорит, национальный характер, этнос, этнографизм, этнографическая экзотика, фольклор, поэтика.

Khatkova I.N.

Candidate of Philology, Associate Professor of Literature and Journalism Department, Adyghe State University, e-mail: iren714@yandex.ru

Ethnomental bases of “Circassian Legends” by Sultan Khan-Girey

Abstract:

This study considers the story of Sultan Khan-Girey “Circassian Legends” as the ethnocultural phenomenon. The author notes the use of a considerable ethnographic material to represent certain qualities and lines, conditions of life, inner world and psychology of the people. The story “Circassian Legends” contains important data on morality, customs and traditions of the Adyghe, as well as the detailed review of the Adyghe oral creativity. It is established that all features of a life and traditional customs of the Adyghe are presented in detail and all descriptions are given taking into account the importance of ethnographic details.

Keywords:

Mentality, national mentality, mentality components, local color, national character, ethnos, ethnography, ethnographic exotic, folklore, poetics.

В последнее время в широкое употребление вошли термины «менталитет» (ментальность), «национальный менталитет», которые обозначают совокупность духовных установок, психического склада, образа мыслей и образа жизни, присущие как отдельному человеку, так и социальной группе людей. Можно обнаружить две основные тенденции в понимании сущности менталитета: с одной стороны, менталитет настолько широко трактуется, что включает в себя уклад жизни, особенности народных реалий, обрядов, стиль поведения, нравственные заветы народа, самоидентификацию человека в социальном мире, с другой стороны, под менталитетом понимается только самоидентификация этноса: менталитет - это самопонимание группы, о нем можно говорить только при исследовании группового поведения. Многие психологи и социологи пытаются доказать отсутствие у народов национального характера и национальной идеологии. Американский ученый Хонигман, например, видел прикладное значение изучения этнического характера в том, чтобы разработать методы «проникновения в душу» другого народа, что, по его словам, явилось бы большим подспорьем для «межкультурного просвещения», то есть нивелирования национальных культур под единую – западную [1: 25].

По мнению Л.Н. Пушкарева, менталитет включает в себя основные представления о человеке, его месте в природе и обществе, его понимание природы и Бога как творца всего сущего; менталитет - это манера мышления, его склад, его своеобразие. Это эмоциональные и ценностные ориентации, коллективная психология, образ мышления и человека, и коллектива [2: 160].

Интересно суждение И.К. Пантина, который в своих философских выступлениях в качестве рабочей гипотезы предлагает следующее определение менталитета: это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерми-

нанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах не исключая катастрофические. В его гипотезе акцентируется прежде всего психологическая основа существования исторического опыта у людей в форме определенных культурных стереотипов, хотя неясно, в чем заключается сущность памяти народа, какие компоненты она включает и каким образом функционирует, регулируя поведение людей [3: 30].

А.А. Шаов отмечает: «В наши дни заметно возрастает интерес к этнологическим, культурологическим и социально-философским вопросам духовного наследия наших предков, в том числе их мировоззренческому (идеологическому) восприятию действительности. Процесс этот закономерный, так как усвоение и переработка наследия прошлого является непрерывным условием прогрессивного развития культуры современного общества. В процессе возрождения культурного наследия происходит регенерация ценностей мировоззренческого (идеологического) порядка как части исторической памяти народа. основополагающей потребностью индивида и общества в целом для своего выживания, полноценной жизнедеятельности становится самоидентификация, благодаря которой определяется историческая индивидуальность. И здесь, прежде всего, идентичность связана с процессами смыслообразования, поиском внутренних связей и глубинного понимания своего «я» посредством собственной культуры. В мире не существует народа, у которого не было бы своей собственной выработанной мировоззренческой системы. В основе таких систем находятся определенные морально-нравственные принципы. При помощи традиционной соционормативной культуры эти принципы регулируют социальные отношения» [4: 19].

Выделяют два основных типа менталитета: этнический и национальный.

Этнический менталитет принима-

ет за основу представления об общей территории обитания, общий язык, об общности психического состава и особые черты характера. Менталитет национальный, в отличие от этнического менталитета, имеет этносоциальный характер. Национальный менталитет – это совокупность представлений, традиций и понятий представителей наций, которые позволяют воссоздавать это единство людей как целое и относить каждого индивида к данному социальному сообществу. В основе этого типа менталитета лежат представления о духовном единстве, исторической родственности, культурную и психологическую самобытность и неповторимость наций как государственно-политического, гражданского сообщества.

В контексте данных рассуждений можно рассматривать повесть «Черкесские предания», созданную одним из крупных адыгских писателей-просветителей XIX столетия, историком и этнографом Султаном Хан-Гиреем. Нужно отметить, что своеобразие адыгской литературы XIX века определяется ее национально-специфическими ситуациями и особенностями культурного уровня народа. Несмотря на то, что почти все известные нам произведения адыгских авторов середины XIX века написаны на русском языке, можно считать эту литературу этнокультурным явлением, так как она отражает особенности психологии, образ мыслей, совокупность духовных установок и навыков, художественно-образную систему и фольклор адыгов, то есть все, что составляет понятие «художественный менталитет» народа.

История народа, легенды, этикет, национальная символика, адыгский быт, этнографические подробности – все это стало содержанием этнокультурного пространства «Черкесских преданий».

В рассматриваемом нами произведении нашли отражение все сферы культуры этноса: социальная и демографическая структура общества, традиции хозяйст

вождения и питания, устройство жилищ и одежда, культы и обряды, формы организации досуга и т.д. Хан-Гиреем была близка мысль о том, что «местный колорит», нравы народа неотделимы от его характера и страстей.

Г.Д. Гачев в книге «Национальные образы мира», повторяя известную мысль Гоголя Н.В. (национальное – не в описании сарафана..., а в том, чтобы смотреть на мир глазами своей национальной стихии), утверждает, что это было высказано в тот исторический момент, когда шло самоопределение русской литературы как национального духовного искусства, она освобождалась от внешней декоративности описаний. Таким образом, считает Гачев, «отказаться изображать «сарафан» можно лишь при определенном богатстве материальной и духовной культуры народа, т.е. при выделении уже духовной жизни из быта, из труда». Поэтому, по мысли автора, если у народа этого выделения еще не произошло или оно недостаточно, то необходимо извлечь особое, национальное видение мира, национальное понимание жизни из особых предметов, этим народом созданных, из форм построек, жилищ, одежды, оружия [5: 41].

Это полностью можно отнести к Хан-Гиреем, который вплетает в художественную ткань своего произведения значительный этнографический материал с целью более широкого изображения определенных качеств и черт самого народа, условий его жизни, раскрытия его внутреннего мира, его психологии.

В повести «Черкесские предания» содержатся ценные сведения о нравах, обычаях и традициях адыгов. Среди описываемых традиционных обычаев значительный интерес представляют похоронные и свадебные ритуалы. Хан-Гиреем подробно и последовательно воспроизводит обычай проведения годовщины смерти, как развешаны боевые доспехи покойного, разложена его одежда, как исполняется сложенная специально к этому дню жизнеописательная песня.

Особенно интересно описание поведения отца покойного, старого князя, старающегося казаться равнодушным, даже веселым. Автор отмечает: «...таковы понятия черкесов о приличиях при печали отца, потерявшего сына, мужа, лишившегося жены, - он не должен показывать своей горести в присутствии посторонних людей. Мужчина, по понятию древних черкесов, не должен знать слез...». В то же время «...жена всенародно изъясняет по мужу прискорбие; в течение года носит траур, не ложится на мягкой постели, наносит себе на лицо и на груди раны и кровь смешивает со слезами. Впрочем и мужчины проливают обильные слезы по друге; даже слезами изъясляют участие в потере других, но то бывает особенная дань приличия» [6: 56].

Хан-Гирей подробно рассказывает о последнем периоде печальной тризны – посвящении коней памяти умершего. Заканчивается обряд угощением народа. Попутно даются сведения о черкесской кухне. Разумеется, система питания имеет свою, в том числе и этническую, специфику, что связано с разнообразием путей, конкретных форм и условий развития народов [7: 53]. У адыгов, как известно, акты принятия пищи ассоциировались с обрядами жертвоприношения. Этим объясняется тот факт, что коллективным трапезам и самой пище придавался особый, можно сказать, магический смысл.

Интересен рассказ Хан-Гирея о наряде черкесов. Отдавая дань ловкости и красоте наряда мужчин, автор отрицательно отзываясь о женском, утверждая, что он сильно проигрывает в сравнении с нарядами европейцев.

Поэтапно и в деталях Хан-Гирей описывает и свадебный ритуал, деление свадебного торжества на несколько периодов, включающих пребывание невесты в доме, куда ее первоначально привозят и где происходит бракосочетание, церемонии приезда невесты в дом жениха, потешные игры, угощения и увеселения.

Кстати, к числу занятий, достойных настоящего черкеса, относили пиры, охоту, воинские упражнения и состязания, набеги на соседние народы, защиту собственных земель [7: 79]. Народные поэты слагли героические песни и сказания, прославляющие наездников. На праздничных пирах отличившихся в походах рыцарей удостаивали так называемым богатырским кубком с вином или с бахсымой. Хан-Гирей описывает такой эпизод. Во время пира, устроенного в день тризны знатного черкеса, князь-старшина «предложил выпить богатырский бокал в честь собрания наезднику, совершившему известный, прославляемый певцами набег» [6: 66]. Но никто из присутствующих не был в прославляемых певцами набегах. Тогда князь «предложил принять бокал тому наезднику, который был в набегах» [6: 66].

Всякое празднество ознаменовывалось воинственными играми: скачками, джигитовкой, стрельбой в цель. Хан-Гирей рассказывает о том, что большой популярностью пользовалась борьба конных и пеших, ритуальная борьба всадников за баранью шкуру и т.д.

В «Черкесских преданиях» находит отражение и высокое представление о рыцарской чести, которое включало в себя такие основные нравственные качества, как храбрость, гостеприимство, скромность, считавшаяся главной похвалой, сдержанность и т.д.

Идеалы рыцарской морали находили свое выражение в нормах, которые предусматривали правила в отношении враждующих сторон. В общественном месте они не должны были привлекать к себе внимание, особенно в присутствии женщин: «...и самые кровоместники обходятся дружелюбно между собой, когда случай приводит их быть вместе на съездах, в гостях, в доме уважаемых людей или в присутствии женщин...» [6: 61].

В своем произведении писатель дает ценные сведения о языческой вере адыгов. В их мифологии важнейшее зна-

чение имели бог лесов, бог наездничества, бог овцеводства, бог рогатого скота. Автор приводит различные легенды, связанные с этими божествами. Хан-Гирей показывает тот исторический период общественного развития адыгов, когда происходил переход от язычества к исламу: «Князь-старшина хотел соединить языческие обряды с исламизмом. Наконец явился и имам. Он хотя проклинал и ненавидел языческие обряды, но находил в законах, как улемы знаменитого Махмуда, сообразные с желанием князя толкования, благословил торжество язычников и говорил речь о блаженстве, предназначенном павшим за дело родной земли воинам. Набожные с благословением слушали религиозные поучения имама, но язычники шепотом издевались над его словами и бородой...» [6: 64].

Первое, очевидное, что определяет лицо народа, - это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю. Природа – это заповеди, скрижали и письмена самого Бытия, в которые надо вникнуть и расшифровать данному народу [8: 17]. По мысли Г.Д. Гачева, «... здесь коренится и образный арсенал литературы, обычно очень стабильный, например, роль гор как мировых координат в искусстве народов Кавказа...» [5: 47]. Природа определяет и цветовую символику, цветные эпитеты, придающие красочность и эффектность всей зрительной картине: «Взгляните на прекрасные долины, где начал я мой рассказ. Какая прелестная картина представляется там взору! Светлый купол раскинут, как пурпуровый шатер, а под ним пышно цветет роскошная земля... Долины, холмы и горы облиты волнистою зеленью; цветы, как пена на море пестрят жемчужными куполами; леса одеты свежими листьями...» [6: 135].

Хан-Гирей вводит в текст специфические обороты речи: «на тебе никто не видал прожженной шапки» (означает, что нельзя упрекнуть в несоблюдении тайны), «он, бедняжка, задохнется, как Мако-

ва ласточка», (ласточка, которая зимовала в доме дворянина Макова, встретив своих сестриц весной, рассказывая о пережитых трудностях, задохнулась от непрерывного щебетанья)», «красные башмаки, которые неутомимы только в танцах, повесят носы» (означает щеголей, которые носят красные башмаки) и т.д.

Писатель использует и разнообразные средства устного народного творчества: пословицы, поговорки, например, «... храброго трудно полонить, но в плену он покорен судьбе, а труса легко взять в плен, но тут-то, когда уже нечего бояться, он и делается упрямым», «яд змеи в миллион крат менее гибелен и менее гнусен измены», «... где смеются, там и плачут, где не продают явно, там торгуют тайно» и т.д.

Большой интерес в «Черкесских преданиях» представляет подробный обзор адыгского устного творчества. Поэзия представляется как отражение всего жизненного уклада черкесов, их чувств и мыслей. Интересны также упомянутые в «Черкесских преданиях» различные образцы песенного творчества адыгов, которые приводятся автором в прозаическом изложении.

Хан-Гирей представляет песенное творчество черкесов во всем его богатстве и разнообразии. Перечисление сопровождается характеристикой каждой разновидности. Автор стремится сформулировать их специфические черты, определить их структуру, особенности стихосложения и музыкального сопровождения.

Все устное народное творчество адыгов автор подразделяет на три рода:

- 1) песни;
- 2) старые сказания;
- 3) старые вымыслы.

Хан-Гирей дает классификацию адыгских народных песен. Он делит их на девять видов. Обзор песен начинается с колыбельных, воспевающих будущее, неизвестное, и заканчивается смертными песнями. Такой принцип рассмотрения объясняется автором вполне логично – это начало жизни и песни черкесов и ко-

---

нец жизни и песни их. Между ними песни многих мужей, воспевающие происшествия исключительно важные, в которых участвовали целые племена, эти песни, по мысли Хан-Гирея, могли бы послужить ценным историческим материалом.

Далее следуют песни плачевные, содержавшие в себе бедственные события, песни наездничества, которые нужно причислять к разряду жизнеописательных песен, песни религиозные, сходные во многом с песнями, поющими при раненом. Хан-Гирей описывает подробно плясовые песни.

В повести Хан-Гирей говорит также о жизнеописательных песнях, посвященных исключительно подвигам, страданиям и жизни одного лица. Именно эти песни писатель считает особо важными, потому что они имели наибольшую силу влияния для нравственного, духовного воспитания потомства. Время воспетых в этих песнях событий можно приблизительно указать с помощью русской истории. Например, песня о походе на Астрахань имеет под собой реальную основу: действительно, Астрахань была разорена черкесами в царствование Василия Темного, как следует из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Здесь же Хан-Гирей высоко отзывается о творцах песен, отмечая, что певцы были необходимы для знаменитых людей в старину: «...они передавали потомству их дела, давали им земное бессмертие, и потому везде покровительствовали певцам, осыпали их щедро подарками, обогащали их, и певцы дорожили своим званием, которое поставляло им много выгод, хотя и мало, кажется, почтения» [6: 115]. Хан-Гирей справедливо удивляется тому факту, что певцы, творениями которых так дорожили, сами не пользовались большим уважением, звание певца унижало порядочного человека, певец

был чем-то вроде шута. Тем не менее автор сожалеет об исчезновении певцов и о забвении древних песен.

Ко второму роду устного творчества относятся старые сказания. Хан-Гирей отмечает, что они представляют определенный интерес для любителя старины в качестве истолкования и дополнения древних песен, вместе с которыми «составляют единственные, бесценные материалы для предисторической эпохи народа, а названия мест событий и древние оружия, хранящиеся и поныне в известных семействах, свидетельствуют, что в старых сказаниях заключается много истины» [6: 116].

Говоря о третьем роде - старых вымыслах, Хан-Гирей называет их сказками, имеющими свою любопытную сторону, то есть это вопрос о вымысле в творчестве. Писатель приводит в пример себя: взяв за основу своих произведений легенды и предания, он дополнил, переработал их в соответствии со своими литературными взглядами и вкусами, со своим замыслом, ввел вымышленные лица в действие. Он понимает, что нарушил логику, выведя на сцену лицо, заставив его мыслить и действовать не согласно с его веком и обстоятельствами эпохи, когда происходило основное событие. Но Хан-Гирей придает большое значение высоким законам искусства, дорожит своими художественными принципами.

Таким образом, все особенности быта и традиционных обычаев адыгов представлены в мельчайших подробностях, все описания ведутся с учетом значимости этнографических деталей. Перед нами художественные произведения, в которых автор решает определенные идейно-художественные проблемы, идет от факта реальной истории, закрепленного устным народным преданием, к вполне самостоятельному сюжету.

Примечания:

1. Honigman J. Understanding Culture. N. Y., 1964. 405 с.
2. Пушкарев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. № 3. С. 158-166.
3. Пантин И.К. Национальный менталитет и история России // Российская ментальность. Вопросы философии. 1994. № 1. С. 29-33.
4. Шаов А.А. Реконструкция процесса становления и развития этнокультурного и этнорелигиозного мировоззрения адыгского этноса // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2010. Вып. 1 (57). С. 18-28.
5. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М.: Сов. писатель, 1988. 430 с.
6. Хан-Гирей. Черкесские предания: избр. произведения. Нальчик: Эльбрус, 1989. 285 с.
7. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 228 с.
8. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, 1995. 512 с.

References:

1. Honigman J. Understanding Culture. N.Y. 1964.
2. Pushkarev L.N. What is mentality? Historiographic notes // National history. 1995. No. 3. P. 158-166.
3. Pantin I.K. National mentality and history of Russia // Russian mentality. Philosophy problems. 1994 No. 1. P. 29-33.
4. Shaov A.A. Reconstruction of process of formation and development of ethnocultural and ethnoreligious outlook of the Adyghe ethnos // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2010. Iss. 1 (57). P. 18-28.
5. Gachev G.D. National images of the world. M.: Sov. writer, 1988. 430 pp.
6. Khan Girey. Circassian legends: selected works. Nalchik: Elbrus, 1989. 285 pp.
7. Bgazhnokov B.Kh. Sketches of ethnography of the Adyghe's communication. Nalchik: Elbrus, 1983. 228 pp.
8. Gachev G.D. National images of the world. Cosmo-Psycho-Logos. M.: Progress, 1995. 512 pp.